

Авангард Леонтьев: «Честность освобождает от соблазна»

ЭПИГРАФЫ

Последние три сезона имя Авангарда Леонтьева все больше и больше на слуху у зрителей. Спектакли с его участием получают награды. А пресса как-то не очень балует артиста своим вниманием. Сам же он считает, что не оправдывает своего громкого имени Авангард, и называет себя ретроградом и традиционалистом.

- Это диктуется воспитанием, полученным в обычной советской семье, - говорит артист. - Мои родители воспитывали меня в соответствии со своими идеалами - идеалами честной жизни, комфорт в которой не так важен. Как-то у нас дома был ремонт. Папа работал в строительной организации и что-то приносил с работы. Так мама требовала от него квитанции из бухгалтерии, подтверждающие законность выноса любой деревяшки. Они были кристально честными людьми. Это качество освобождает от соблазна.

- А ваша принципиальность, о которой в театре «Современник» ходят легенды, тоже привита родителями? Вам присвоено звание народного артиста России больше года назад, а принять его вы согласились только сейчас. Почему?

- Никакой принципиальности нет. Просто так складываются обстоятельства. Звание присвоили и вправду год назад. Ну и что ж? Я согласен с Зиновием Гердтом, который считал, что неприлично иметь одно звание с Шаляпиным - народным артистом России. Я не Шаляпин. Не могу себя поставить с ним рядом, не собираюсь, не буду пытаться. К регалиям нужно относиться с юмором. Но, с другой стороны, звание и вправду почетное, получать его приятно. Но предполагалось, что его будут присваивать в Георгиевском зале Кремля, что - не буду лукавить - вдвойне приятно. Этого не случилось. Так что ж? Звание получил, и для меня это честь. А с Кремлем повременю.

- Вам везло на режиссеров. Но, наверное, случалось, что роль не нравилась, а ее приходилось играть?

- Бывало. Взаимоотношения с ролью вообще дело очень тонкое. Иной раз не со всеми партнерами сходясь, в чем я виню только себя. Значит, не нашел нужного ключа, пути. Сложнее всего работать именно с ролью а не с партнерами, режиссерами, драматургией. Роль - некая живая субстанция, которая проникает в тебя с трудом.

- Валерий Фокин говорил, что с такими актерами, как вы, у него сложился так называемый птичий язык. Что это такое?

- От долгой неформальной работы вместе возникли особые отношения, когда языком называется просто отсутствие такового. Все ясно без слов. По выражению глаз, по мимике, по паузам. С Фокиным мы работаем с 1971 года, со времен «Валентина и Валентины» - его первого спектакля в «Современнике», когда я играл Третьего студента - человека из свиты с одной-двумя репликами.

- Интересно работать с таким режиссером, который выстраивает весь спектакль до мельчайших деталей! Это не ограничивает актерскую индивидуальность?

- Свой полет есть всегда. Когда открывается занавес, перед тобой зрители - летишь один, сам. А режиссер только за голову хватается.

- Для вас все сыгранные роли значимы?

- Я люблю все свои работы. Тем более что их у меня не так уж много. Не могу сказать, что сыграл двести или сто ролей. С удовольствием бы сыграл, но мне их не давали. Не звали в кино. Нет у меня ни ста фильмов, ни пятидесяти, нет даже двадцати.

- Количество ролей для актера значения не имеет?

- Главное - их качество. Козырнуть количеством можно. Но последнее не заменит первого.

- Говорят, вы неплохо поете!

- Я пою только в театре и - от наглости - на радио. Одной из первых моих ролей в «Современнике» был Царь-батюшка из сказки «Принцесса и дровосек», в которой у меня были куплеты на музыку Эдуарда Колмановского. Тогда мне был 21 год. Я был смел и нагл. Придя на запись оркестра Юрия Силантьева, прервал репетицию. Маститый дирижер обернулся на мой возглас и, увидев нечто маленького роста, очень удивился. Я слышал, как Юрий Васильевич общался со своим пианистом: «Если вам что-то не нравится, наймите себе другого дирижера и дискутируйте с ним». А я осмелился высказать ему свои пожелания, в каком темпе надо исполнять мои куплеты. Он ухмыльнулся, похихикал с оркестрантами, но все же внял моим рекомендациям.

- Когда вы начали петь?

- Пожалуй, в школе. У меня по пению были пятерки.

- Да и школу-студию МХАТ вы закончили с «красным» дипломом?

- Да, натянули.

- Вы отличник, значит, в авангарде, а считаете себя ретроградом. Да и в актерской профессии изначально заложено желание постыдного прорыва

вперед. Неужели вы абсолютно лишены тщеславия?

- Ответу словами Давида Самойлова: «Хочется и успеха, но на хорошем поприще». Задрать штаны, бежать за комсомолом не по мне. Мои родители познакомились и влюбились друг в друга, занимаясь художественной самодеятельностью в Орле. Видимо, их увлечение генетически перешло в меня. Я родился в Москве, в Большом Каретном переулке. Там мои 17 лет и даже 27. Жил рядом с домиком Ермоловой. До школы был путь в 4 минуты. Я проходил мимо дома, где жил Щепкин, а рядом, оказывается, жил еще неизвестный тогда Высоцкий.

- Какая она, ваша Москва? Как вы относитесь к нынешнему преобразению города?

- Я люблю ту Москву, которой нет. Но это не значит, что мне все не нравится в теперешней Москве. Приятно, что обшарпанные стены подновляются, реставрируются старые дома. Ухоженность мне нравится. Но когда возводятся новостильные конструкции из железа и стекла, всякие магазинчики... Вот станция метро «Кировская», нынешняя «Чистые пруды», на мой взгляд, памятник архитектуры. Рядом старинное здание почтамта, Чистопрудный бульвар - здесь можно организовать заповедную зону. А по обе стороны от станции построили современные павильоны, там идет торговля - дело хорошее, нужное. Но подписавший проект архитектор явно согрешил. Какой-то черт дернул его за полу.

- Вы были знакомы с Аркадием Райкиным и даже пародировали его...

- Был такой грешок, правда, никогда не демонстрировал его зрителям. Я был в приятелях с Костей, заживал к нему домой. Наблюдал Аркадия Исааковича в жизни. Он был очень артистичным. Его воспринимали как сатирика, юмориста, комедианта. А в действительности он был очень грустным, сосредоточенным на себе. Скорее всего он походил на ученого, писателя, погруженного в свои думы. Контраст его искрометного, жизнерадостного начала на сцене и житейской сосредоточенности поражал меня. Я понимал, что он занимается нешуточным делом.

- Вы тоже занимаетесь нешуточным делом - педагогикой. Говорят, вас с Константином Райкиным заставил поступить в аспирантуру Олег Табаков...

- Он нас подтолкнул. Привлек к своему педагогическому делу, которое привело к созданию нового московского театра, недавно отметившего свое 10-летие. Я горд тем, что есть театр, в фундамент которого я положил свой кирпичик. Тогда педагогический возраст был солидным, а Табаков сильно омолодил преподавательский состав. Внес некое легкомыслие в педагогику. Пришел сам, привел молодых артистов. Начал с того, что обучал школьников 8 - 10-х классов в Доме пионеров. Мы подготовили их к поступлению в театральный вуз, где потеснив тамошних преподавателей, их доучивали. А из них уже и родился театр Табакова. Мне нравится продолжать тот драматический кружок, который я вел еще в школе. До сих пор, как в кружке, мне не жалко времени, сил. Хочу работать столько, сколько нужно, а не просто отрабатывать часы. Мне легко их не считать.

- А ваши студенты считают часы?

- Верю, что не считают, но подозреваю, что посчитывают.

- Чем вы любите заниматься вне театра?

- Слушаю живую серьезную музыку. На легкую у меня просто нет времени. Когда выдается свободный вечерок, иду в консерваторию.

С Авангардом Леонтьевым беседовали
Елена ЕЛЕНСКАЯ,
Антон МАШИН.

На снимке: А. Леонтьев в роли Чичикова в спектакле «Нумер в гостинице города NN».

Фото Михаила ГИТЕРМАНА.

105